

ОТ ПЕРВОЙ ПОБЕДЫ

В Гимне Москвы есть строки:
«Мы запомним суровую осень,
грохот танков и

отблеск штыков...»

Сейчас, когда приближается 65-я годовщина нашей победы под Москвой, мне особенно отчетливо вспоминаются тревожные дни этой действительно суровой осени сорок первого года.

В то время я служил в зенитно-артиллерийском полку в составе Московского фронта ПВО. Мы защищали небо столицы с первых месяцев войны, самолеты фашистской люфтваффе осмеливались атаковать Москву лишь с наступлением темноты. Когда осенью фронт приблизился к Москве, немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей прилетали уже и днем – так что у всех зенитчиков прибавилось работы. С каждым днем фронт был все ближе, авианалетов случалось больше, и открывать огонь приходилось чаще и чаще.

Наш полк дислоцировался в Чернышевских казармах, возле Даниловской площади. Те из нас, кто не был на боевом дежурстве, по утрам, сразу же после подъема, собирались в Ленинской комнате возле репродуктора и слушали сводки Совинформбюро.

17 октября 1941 года, как обычно, сводку читал лучший диктор Московского радио Юрий Левитан: «В ночь на 17 октября положение на Западном фронте на московском направлении ухудшилось». Это печальное известие поразило нас. Впервые за все время с начала войны в военной сводке было прямо, открытым текстом сказано: «Положение ухудшилось»...

В то утро командир батареи послал меня по служебным делам в город. Из окна трамвая я видел необычно пустые улицы. На всех оконных стеклах наклеены крест-накрест полоски бумаги для защиты от взрывной волны. Здание фабрики Гознака, мимо которого шел трамвай, замаскировано, из трубы валит густой черный дым, и сверху падали обожженные, не сгоревшие до конца обрывки денежных знаков. Больше всего меня поразило, что метро – между прочим, единственный раз за всю его историю – в тот день не работало. Позже я узнал, что именно 17 октября в Москве случилась паника. Но больше это никогда не повторилось!

Вечером 19 октября нам приказали построиться во дворе казармы. На западе небо озаряло бледным красноватым сиянием, оттуда доносилось глухое грохотание. Что это означало, стало ясно из приказа ГКО, который нам зачитали. В нем говорилось, что с 20 октября в Москве вводится осадное положение. Руководство обороной столицы на дальних подступах возлагалось на командующего Западным фронтом генерала армии Жукова, а на ближних – на командующего войсками МВО генерал-полковника Артемьева. Острая боль пронзила наши сердца, когда мы слушали приказ. Значит, фашистские полчища продвинулись так близко к Москве!

Наступили самые тяжелые дни. Танковые колонны Гудериана как одержимые рвались к Москве. Но оборона Москвы оказалась подобна тугой стальной пружине, которая под нажимом извне все больше сжималась, чтобы потом распрямиться со страшной силой.

6 ноября 1941 года. Канун 24-й годовщины Октябрьской революции. В мирные времена ежегодно в этот вечер в Большом театре проходило торжественное заседание. Но теперь, когда враг стоял у ворот Москвы, об этом, наверное, не могло быть и речи. Внезапно к нам вбежал политрук батареи Бабенков: «Товарищи, скорее в Ленинскую комнату!» Уже в следующее мгновение мы услышали из репродуктора знакомый голос Сталина! Он говорил, как обычно, спокойно, медленно, как будто тщательно выбирал каждое слово. И сам факт, что Сталин в час великой опасности не покинул Москву, вселял в нас огромную уверенность. Мы, естественно, не знали, что заседание проходило в этот раз не в Большом театре, а на станции метро «Маяковская». Но это не играло никакой роли. Важно, что оно состоялось, несмотря ни на что. И так же важен военный парад, который – опять-таки несмотря ни на что – состоялся на следующее утро, 7 ноября, на заснеженной Красной площади...

...А наступление немецких танковых армий развивалось все интенсивнее. У нас срочно формировались истребительные противотанковые полки (ИПТАПы), туда переводили многих зенитчиков. Одним из них был самый молодой солдат нашей батареи – восемнадцатилетний Ефим Дыскин. Летом 1941 года он окончил школу. Когда узнал, что его перевели в ИПТАП, вступивший в бой на самом опасном участке фронта, он не на шутку испугался. Но 17 ноября в неравном бою в районе Волоколамска, когда все солдаты батареи были убиты, Ефим, тяжело раненный, подбил 8 танков. В этот же день 28 солдат дивизии генерала Панфилова совершили свой бессмертный подвиг у разъезда Дубосеково, ценой своих жизней остановив наступление вражеских танков. Ефиму Дыскину, как и Героям-панфиловцам, присвоили звание Героя Советского Союза.

В то время как фюрер уже предвкушал скорую победу, из Сибири к Москве непрерывным потоком шли воинские эшелоны. Верное командование Красной армии концентрировало здесь мощные стратегические резервы. А 6 декабря 1941 года Совинформбюро передало сообщение: «В последний час наши войска перешли в решительное контрнаступление». Газеты и радио сообщали об освобождении все новых городов и населенных пунктов Московской, Тульской и Калужской областей. Мы, у зенитных орудий, сразу же заметили, что воздушные налеты стали значительно реже: у фашистской авиации были теперь другие заботы...

Осенью, когда столица была в опасности, на улицах города висели плакаты с изображением советского солдата и призывом: «Ребята! Не Москва ль за нами?» А в конце декабря, перед Новым годом, появились новые плакаты с тем же солдатом – в полушубке и шапке-ушанке, с автоматом (конечно, еще не Калашникова, а Дегтярева). Но текст под рисунком был уже другой: «С наступающим!» В этих словах содержался глубокий смысл: отбросив врага от Москвы, наши войска продолжали идти вперед. Конечно, до конца войны еще очень далеко. На этом долгом пути в три с лишним года нас ждали и тяжелые испытания, и горькие потери. Но именно под Москвой мы впервые почувствовали вкус Победы.

Владимир ГАЛЛ,
майор в отставке

Э то утверждение, на мой взгляд, имеет лишь один изъян. Точнее, оно применимо ко всему, что мы пытаемся удержать в памяти, пронести сквозь годы и наслоения других образов и чувств – ко всему, кроме воспоминаний о войне.

Наверное, каждый из нас замечал, как ветераны, не помнящие порой и того, что с ними происходило вчера, преображаются, если вспоминают события далеких боевых дней. Собираются старики за столом, посидят, помолчат. Но стоит кому-то начать рассказ «о том времени», их души подменяют. Яркие образы, точные определения... И даже тот, из кого в обычное время двух слов не выдашь, становится эмоциональным рассказчиком, перебивающим в запальчивости соседей.

Почему так происходит, меня не удивляет. В нашей повседневной жизни мы редко оказываемся в той ситуации, которую в литературе обозначают «на волосок от смерти». А если все же сподобит судьба, встрянет разок, этот опыт становится чем-то вроде точки отсчета, неким центром, из которого память и начинает услужливо разматывать клубок воспоминаний.

Вот и мой собеседник – молчаливый, немногословный в повседневной жизни, предпочитающий слушать, а не говорить, едва погрузившись в события шестидесятилетней давности, описал их так точно и образно, что они стали частью и моих воспоминаний.

Разговорились мы случайно. Я в сердцах посетовал, что маленькая дочка вряд ли запомнит раннее детство, наши прогулки и только нам понятные семейные радости. Но собеседник возразил: он, дескать, прекрасно помнит себя в три года. И подробно рассказал о том, как в далеком 1930 году раскулачивали их семью, имевшую в мордовском селе Куликово крепкое хозяйство. Да что там хозяйство: у отца даже крупорушка от деда осталась – роскошь совершенно недопустимая для крестьянина советской деревни.

Он вспомнил, как рыдала мать, когда уводили в колхозное стадо корову-кормилицу – та поила молоко всех пятерых детей, да еще оставалось для масла, сметаны. Вспомнил, как отец целый год прятался от городских активистов-горлопанов в дубовой роще за деревней и только иногда приходил глубокой ночью поглядеть жену и детишек...

Неожиданно мой собеседник после рассказов о коллективизации вдруг вспомнил войну. Так я узнал историю простого русского солдата Александра Ивановича Дворянчикова, в семнадцать лет ушедшего добровольцем на фронт, получившего три ранения, после которых иной и переезжать бы без постоянной помощи не смог, но оставшегося в строю до последнего дня гибельной для миллионов войны.

Здесь позволю себе небольшое отступление. К счастью, для нескольких поколений война стала уже неким абстрактным образом. Конечно, была афганская война, идет чеченская. С этим не поспоришь. Похоронки – аргумент весомый... Но такой,

какой стала для страны война, названная Отечественной, слава богу, не было.

Однако знаем мы о ней из учебников, книг и кино. И представляется она неким перманентным противостоянием Добра и Зла. Где герои смелые и решимые

кого начальства увидел новобранцев, вышел скандал. Оказывается, снабженец сэконобил на нас вагон консервов и еще каких-то продуктов. С ним контрафакт разобрались – больше мы этого человека никогда не встречали.

Память человека своенравна. Вы не можете приказать ей сохранить тот или иной образ, ту или иную картинку. Конечно, она может притвориться послушной и вызывать желанные образы по первому зову. Но вдруг в самый неожиданный момент память коварно изменит... И все, что так бережно хранило сердце, неожиданно исчезнет, рассеется, превратится в слабую тень того, что было дорого многие годы...

ВОЙНА СЕРЖАНТА ДВОРЯНЧИКОВА

Первый бой приняли под Вязьмой. Там новобранцы впервые увидели своими глазами, что такое война. Эшелон пришел на полустанок, за которым расстелилось долгое, под зонтом прятанное поле. На нем стояли обгоревшие, как головешки, советские танки. Примерно с полсотни машин. Солдатам пояснили, что такие потери из-за неправильной тактики ведения боя.

Вышли на позиции, рассредоточились, окопались, заняли оборону. Примерно месяц не происходило никаких событий. Солдаты отработывали боевой устав. Немцы тоже никаких действий не предпринимали. Изредка перестреливались, стараясь произвести шумовой эффект.

Приказ идти вперед последовал неожиданно. После артподготовки все бросились вперед с криком «Ура!». Немцы оказались абсолютно не готовы к такому повороту событий. А потеря с нашей стороны почти не было. Они начали позже: полк попал под пулеметный огонь. Когда большинство рослых солдат выглядели доходягами. Спали в сырых землянках. Воду вычерпывали ведрами – она стояла в проходах между нарами. А когда на наконец повезли к линии фронта, и кто-то из высо-

В те дни Александр Иванович получил первое ранение. Осколком разорвавшегося снаряда рассекло ногу ниже колена. Командир, увидев кровь на голенище сапога, сказал: «Останешься в строю – представлю к ордену!» Потом все было забыто. Но молодой боец не напоминал. Он все равно остался бы в строю. Ранение было легким, а уходить с позиций во время боя нельзя.

Так началась фронтовая жизнь. Наступления, когда через голову летят свои снаряды и впереди слышны тяжелые уханья разрывающихся авиабомб. Поиски еды, когда хватали любую подножную снедь, вплоть до кормовой свеклы. Бессонные многокилометровые марш-броски... Тогда боец Дворянчиков, у которого был двухлудовый противотанковый пулемет, впервые узнал, как можно спать на ходу. Пехотинцы

миссию, ему советовали: не лезь ты на рожон – больше всех надо, что ли! С его златанным внахлест животом, с осколком, оставшимся в пояснице, он и вправду мог бы стать нестроевым. Но Александр Иванович не захотел прятаться в тылу: ему казалось нечестным прикрываться своими болячками. А врачи особенно и не приглядывались – время было такое. И вскоре он вновь оказался на фронте.

Тяжелые бои за Будапешт Дворянчиков встретил в строю. Там же он получил свое последнее, третье, ранение. Когда боец огнем из станкового отражал атаки врага, его ранил разрывной пулей в плечо и кисть руки немецкий снайпер. Александр Иванович стрелял до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Только после этого отошел с позиции. Там его и отыскали обособисты. Вызвали в землянку:

«Почему пулемет оставил?» – «Не смог бы я его дотащить. Ранен я...» – «Это еще посмотреть надо, что за ранение. А бросать оружие – статья! И будешь отвечать по закону».

Возможно, вся жизнь пошла бы тогда по-иному. Но в этот момент Дворянчиков потерял сознание от потери крови. Это и сняло все вопросы обособистов. Очнулся он на третий день в госпитале, где задержался почти до конца войны. Впрочем, и после подписания Германией капитуляции военная служба Александра Ивановича не закончилась. Он оставался в строю до 1951 года, когда демобилизовался из армии в звании младшего сержанта.

– Вот и вся моя война, – закончил рассказ мой собеседник. – Дальше обычно: работал в авиационной промышленности, поднимал разрушенное войной хозяйство. Доучиться так и не удалось. Иногда нехватка знаний чувствовалась. Особенно когда оформлял изобретения, работая в Центральном институте авиационных моторов. У меня целая пачка патентов. Имел бы высшее образование – может быть, смог бы сделать что-то большее... Были парадные на Красной площади, были встречи с однополчанами, красными следопытами, которые много лет спустя отыскали мои награды. Но это вторично. Это отголоски войны.

...Судьба, похожая на миллионы других. Тех бойцов, чьи имена не прогремели на всю страну, чьи воинские звания и награды не выделялись из общей массы. Но разве менее важен их жизненный путь? Разве Победа была бы возможна без таких, как он, пехотинцев, артиллеристов, саперов, танкистов и летчиков? Простых солдат, выставлявших своими судьбами дорогу на Берлин...

Александр Иванович гордится своими медалями и орденами и тем, что никогда не юлил, не прятался за чужие спины. Гордится стоящим на Воробьевых горах МГУ, который с отличием окончил его внук. И тем, что мы живем в стране, которую он защитил ценой страданий и боли.

Мытарства по госпиталю закончились в Москве. Когда проходил медко-

**Николай
МОДЕСТОВ**